

терика. Все они по объему невелики и содержат законченное повествование о каком-либо эпизоде из жизни Феодосия, рассчитанном на благочестивое удивление читателя; удивление это Нестор умел поддерживать и чисто литературными средствами: подчеркнуть нужную деталь, расцвечить изложение диалогом, где надо нарочито затормозить действие.

Некоторые сказания дублируют друг друга — с теми или иными вариациями воспроизводят один и тот же сюжет. И тогда они у Нестора часто строятся по однотипной схеме, с привлечением одних и тех же стилистических оборотов речи. Таковы рассказы о даре Феодосия укрощать бесов, о пытавшихся ограбить монастырь разбойниках, о необыкновенном смирении Феодосия, о вере его, что господь бог не оставит монастырь в беде и в нужное время снабдит его всем необходимым.

Сказания на последнюю тему составляют у Нестора даже целый цикл, разбросанный, правда, в разных местах Жития. Схема сказаний здесь постоянна и напоминает схему аналогичных рассказов Жития Саввы Освященного. К Феодосию является чаще всего келарь монастыря и сообщает, что на утро нет в кладовых муки, масла деревянного, меда; Феодосий просит еще раз проверить, так ли действительно обстоит дело; келарь уходит и снова возвращается с сообщением, что ничего нет и что он не только все тщательно осмотрел, но даже перевернул вверх дном сосуд, где хранилось масло, в «сухее» обнаружил в одном углу лишь небольшое количество отрубей; Феодосий предлагает келарю укрепиться в надежде на бога, а сам идет молиться; некоторое время спустя к воротам монастыря подъезжает несколько возов — обычно три со всем тем, в чем монастырь испытывает острую нужду — от неизвестного, от боярина, от богатой вдовы; Феодосий по случаю «посещения» божьего велит келарю учредить «праздник велик»: накормить братию свежим хлебом, напоить медом и пр.

Многие сказания Нестора — литературного происхождения. Впрочем, он и сам отнюдь не скрывал того факта, что в работе над Житием Феодосия пользовался литературными источниками: Житием Саввы Освященного, Житием Антония Великого. В источниках этих он прежде всего искал аналогий деяниям собственного героя. И аналогии такие очень ценил, так как они давали ему возможность лишней раз сопоставить Феодосия Печерского с величайшими святыми христианского мира. Именно поэтому он всегда, как правило, не ограничивался простым перенесением в Житие литературного по своему происхождению сюжета, а его перерабатывал с целью придать ему большую достоверность: усваивал Житие, насыщал бытовыми подробностями древней Руси XI в.

Показательным примером того, как радикально иногда под пером Нестора видоизменялся его литературный источник, может служить рассказ Жития о том, как Феодосий и его спутник во время совместного путешествия обменялись местами: Феодосий уступил ему лучшее. В научной литературе было отмечено, что рассказ этот напоминает сказание Синайского патерика («Луга духовного» Иоанна Мосха) об архиепископе Феодоте.³ В патерике аналогичный эпизод излагается вне времени и пространства, как абстрактный пример смирения. У Нестора указываются конкретные обстоятельства, при которых случай имел место: Феодосий по делам отправился в Киев, задержался там до позднего вечера и назад в монастырь поехал на повозке, которую «нощнаго ради поспания» повелел предоставить ему князь Изяслав. В патерике сопровождает архиепископа Феодота

³ Ф. Буслаяев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, стр. 53; Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, стр. 164.